

# Сербские источники Пражских листков

**Р. Н. Кривко**

Венский университет  
(Вена, Австрия)

## Общие сведения о рукописи

*Пражскими листками* называются два разрозненных и сильно повреждённых пергаменных листа, которые были найдены в переплёте латинской рукописи XI в. в Архиве Пражского замка (Archiv Pražského hradu) и в настоящее время хранятся в библиотеке Капитулы Пражской митрополии (Knihovna pražské metropolitní kapituly) под шифром N57, или N LVII [Podlaha 1922: 448, Nr. 1582; КМЕ, 3: 264]. Оба фрагмента включают записанные глаголицей церковнославянские монострофные песнопения — литургические гимны византийского обряда: на первом листе находятся светильны, или эксапостиларии, посвящённые праздникам пасхального цикла и второй части неподвижного церковного календаря, второй лист содержит фрагменты службы Страстной Пятницы (ἀκολουθία τῶν ἁγίων παθῶν) [Hannick 1985: 109].

Первый лист написан двумя почерками без разрыва в тексте (граница почерков находится на обороте листа), второй — одним почерком [КМЕ, 3: 266 (литература)]. Содержательной связи между листами нет, поэтому вероятнее всего, что они происходят из двух разных рукописей [Hannick 1985: 112, 116–117; Trunte 2002; Momina 2004: \*116]. Об этом свидетельствует и разная датировка листов: на основании графико-палеографических признаков первый лист датируется XI в., второй же примерно на полстолетия моложе и, по мнению некоторых авторов, был написан в к. XI — нач. XII в. [Vondrák 1904: 74; Hannick 1985: 108; Schaeken, Birnbaum 1999: 132; Hürner 2010: 277; Verřek 2022: 24]. Кроме того, первый лист содержит палимпсест с нижним глаголическим слоем, который признан нечитаемым [КМЕ, 3: 264; Verřek 2022: 24], — этот факт также доказывает происхождение обоих листов из разных рукописей, что подтверждается и некоторыми языковыми особенностями, о которых речь пойдёт далее. (Позднее оба листа могли быть сшиты в конвюльт, что, возможно, объясняет их совместное использование в одном переплёте.) Происхождение Пражских листков из разных рукописей предполагает также наличие двух протографов этого памятника.

Пражские листки — единственный сохранившийся памятник чешской редакции древнего церковнославянского языка, созданный в древнечешской языковой среде и, вероятнее всего, никогда не покидавший чешский культурно-языковой ареал [Mareš 1979: 41–45; Hauptová 1998: 27; Verřek 2022: 25]. Это также древнейший сохранившийся памятник чешской письменности, не считая латинских надписей на древнечешских денарах X–XI вв., которые содержат славянские имена собственные с характерными древнечешскими фонетическими особенностями [Fiala 1897; Böhmová 1989; 1990; Šmerda 1996; Palkosková 2010; 2015]. Немногим более поздними являются написанные латиницей древнечешские глоссы (так называемые «Ягичевы», или «Венские») XI–XII или XII вв. в латинской Библии и Patera-Glossen (Пражские глоссы) нач. XII в. к написанным на латыни сочинениям Григория Великого [Vintr 1986; Schaeken 1988; 1989 (там же более ранняя литература); Schaeken, Birnbaum 1999: 32].

### Пражские листки и Киевские листки

Своими языковыми особенностями Пражские листки отличаются от другой сохранившейся церковнославянской рукописи — Киевских листов, где последовательно отражаются западнославянские черты<sup>1</sup>. Для обоих памятников характерна интерференция южно- и западнославянских языковых черт, однако, в отличие от Пражских фрагментов, в Киевских листках каждый рефлекс отражён абсолютно последовательно. Кроме того, примечательно отсутствие в Киевских листках четырёх древнечешских форм, засвидетельствованных в Пражских листках: рефлексов праслав. \**vъx*- > *vъš*-, \**dl* > *dl*, окончания *i* (и) им. п. ед. ч. суш. ж. р. исконных \**ĩ*-основ и севернославянских флексий *ě* (ѣ) мягких разновидностей именных и местоименных

<sup>1</sup> Киевские листки — рукопись IX–X вв., содержащая перевод sacramентария, выполненный во второй половине IX в. Рукопись хранится в Национальной библиотеке Украины им. Вернадского под шифром IP НБУВ. Ф. 301 (прим. № 328 п) (<http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0000039>). См. издания и исследования: [Німчук 1983; Schaken 1987; Lunt 1988; Holzer 1997: 88, 92, 95–96, 99; 2003: 221; Miklas, Hürner 2023]. Ср.: «Während nach dem gegenwärtigen Forschungsstand also über den kyrillomethodianischen Ursprung des Originaltextes Einigkeit herrscht, bleibt nach wie vor umstritten [...] wo die Blätter geschrieben wurden. Was das Alter des Fragments angeht, so hat sich die von der Mehrzahl der Forscher für den Originalteil angenommene Zeit des 10. Jahrhunderts bestätigt: Unsere neu entwickelte, auf einer breiten Auswahl graphematischer Kriterien beruhende Berechnung ergab die Jahre 925–935» [Miklas 2023: 185–186] («Если, согласно современному состоянию вопроса, кирилло-мефодиевское происхождение перевода общепризнано, то место создания рукописи по-прежнему остаётся спорным [...]». Что касается возраста фрагмента, то принятая большинством исследователей датировка древнейшей части рукописи X в. подтвердилась: наши недавние подсчёты, основанные на широком наборе графематических критериев, дают годы 925–935»).

склонений (ср. ю.-слав. *ę*, или *ǫ*) — во всех этих случаях в Киевских листках представлены формы, соответствующие южнославянскому узусу. На этом основании некоторые исследователи локализируют происхождение Киевских листков в особом, переходном, паннонско-славянском диалектном ареале<sup>2</sup>. Языковые особенности обоих памятников можно представить в таблице (см. [Krivko 2020]):

| Праслав.                                         | Рукопись | Зап.-слав. рефлекс                                | Ю.-слав. рефлекс      |
|--------------------------------------------------|----------|---------------------------------------------------|-----------------------|
| *tj, *kti (*gti)                                 | КЛ       | <i>c</i> (100 %)                                  | <i>št</i> (0 %)       |
|                                                  | ПЛ       | <i>c</i> (100 %)                                  | <i>št</i> (0 %)       |
| *dj                                              | КЛ       | <i>z</i> (100 %)<br>(ср. словц. <i>dz</i> )       | <i>žd / ždž</i> (0 %) |
|                                                  | ПЛ       | <i>z</i> (100 %)<br>(ср. словц. <i>dz</i> )       | <i>žd / ždž</i> (0 %) |
| *sk(i), *sk(e)                                   | КЛ       | šč ( <i>иш</i> ) 100 % (также<br>зап.-штокавский) | <i>št</i> (0 %)       |
|                                                  | ПЛ       | šč (50 %)                                         | <i>št</i> (50 %)      |
| *stj                                             | КЛ       | šč (100 %)                                        | <i>št</i> (0 %)       |
|                                                  | ПЛ       | šč (100 %)                                        | <i>št</i> 0 (%)       |
| *dl                                              | КЛ       | <i>dl</i> (0 %)                                   | <i>l</i> (100 %)      |
|                                                  | ПЛ       | <i>dl</i> (ок. 40 %)                              | <i>l</i> (ок. 60 %)   |
| *vbx-                                            | КЛ       | <i>vbs̃-</i> (0 %)                                | <i>vbs-</i> (100 %)   |
|                                                  | ПЛ       | <i>vbs̃-</i> (100 %)                              | <i>vbs-</i> (0%)      |
| Действ. прич.<br>наст. вр. м.<br>и ср. р. им. п. | КЛ       | <i>a</i> (0 %)                                    | <i>y</i> (ы) (100 %)  |
|                                                  | ПЛ       | Релевантные примеры отсутствуют                   |                       |
| Тв. п. ед. ч.<br>*ǫ-основ (м. р.)                | КЛ       | ьмь (100 %)                                       | омь (0 %)             |
|                                                  | ПЛ       | Релевантные примеры отсутствуют                   |                       |
|                                                  | КЛ       | ьмь (0 %)                                         | емь (100 %)           |
|                                                  | ПЛ       | Релевантные примеры отсутствуют                   |                       |
| Рефлексы<br>окончания *-ēn<br>мягких основ       | КЛ       | ě (0 %)                                           | ę (100 %)             |
|                                                  | ПЛ       | ě (25 %)                                          | ę (75 %)              |
| Им. п. сущ.<br>ж. р. *ī-основ                    | КЛ       | *ī (0 %)                                          | ī (100 %)             |
|                                                  | ПЛ       | *ī (100 %)                                        | ī (0 %)               |

<sup>2</sup> [Schaeken 1987 (полное исследование памятника); Holzer 1997: 88, 92, 95–96, 99; 2003: 221]; ср. о юго-восточноморавском происхождении рукописи [Lunt 1988]. Ср. примеч. 14.

## История изучения Пражских листов

Пражские листки были найдены в 1855 г. и с тех пор неоднократно публиковались<sup>3</sup>. Несмотря на то что их текст сильно повреждён, его исследование с помощью современных технических средств не проводилось (доступ к памятнику крайне ограничен правилами библиотеки). Греческие оригиналы почти всех славянских текстов Пражских листов и многие параллельные славянские тексты из других рукописей известны [Hannick 1985; Йовчева 2001], однако издание фрагментов со славянским критическим аппаратом и греческими оригиналами отсутствует. В этой статье Пражские листки цитируются по изданию Ф. Мареша [Mareš 1979: 41–45], включая принятые в нём угловые и круглые скобки, правила употребления которых издателем не разъяснены.

Состав и последовательность гимнов, содержащихся в Пражских листах, не соответствуют ни одной известной славянской богослужебной книге [КМЕ, 3: 264; Hannick 1985; Trunte 2002; Momina 2004: \*116–\*120]<sup>4</sup>. Светильны,

<sup>3</sup> Основные издания: [Höffler, Šafařík 1857: 30–41; Vondrák 1904: 87–90; Грунский 1905; Weingart, Kurz 1949: 146–149; Schaeken 1996]; см. историю вопроса: [Hannick 1985; КМЕ, 3: 264–269; Hüner 2010; Večerka 2010: 83, 85, 116–117, 128].

<sup>4</sup> Высказывалось предположение, что Пражские листки являются фрагментом славянского тропология, который мог быть переведён ещё Мефодием в Моравии или Паннонии, о чём, по мнению М. А. Моминой, свидетельствует упоминание «избранных служб церковных» в Житии Мефодия [Trunte 2002: 254–255; Momina 2004: \*119–\*120]; недавно эта гипотеза была поддержана Т. С. Борисовой [2024]. До того как стал известен греческий тропологий младшей разновидности (сохранившийся в двух фрагментах втор. пол. IX в. — Sin. Gr. NE МГ 56+5), Н. Трунте и М. А. Момина допускали возможность существования «древнего славянского тропология». Знакомство с рукописью греческого тропология и сравнение этого источника с известными славянскими богослужебными рукописями позволило мне подвергнуть критике представления о существовании тропология в славянской традиции [Кривко 2008: 84–89]. Византийский тропологий младшей разновидности включает также триодную часть со службой Страстной пятницы, содержание и гимнографическая терминология которой не имеют ничего общего с триодными песнопениями Пражских листов: единственное совпадение — антифон (<σ>τ>з|пѣло) шестого гласа Слово законопрѣстоу | пѣно възложиша на мѧ тѣи же | гѣ не остави мнѣ нѣ помилѧ нѣ(и) 2 в Пражских листах, которому в тропологии соответствует похожий текст, названный Δ' ὑφήγησις и исполняемый на тот же глас, — Ἦχος πλάγιος β': «Λόγον παράνομον, κατέθεντο κατ' ἐμοῦ, Κύριε, Κύριε, μὴ ἐγκαταλίπῃς με» (Sin. Gr. NE МГ 56, s. f.) (благодарю А. Ю. Никифорову за консультацию по синайскому источнику и предоставление собственных неопубликованных материалов, включая полные тексты служб Страстной седмицы, по которым здесь цитируется греческий текст). Исчерпывающие исследования византийского тропология младшей разновидности были выполнены А. Ю. Никифоровой; её результаты поддержаны и некоторыми

написанные на первом листе, представляют жанр палестинского происхождения, который в южноитальянской традиции XII–XIV вв. образовал особый тип сборника, что указывает на вероятную преемственность первой части Пражских листков с западновизантийскими рукописями [Йовчева 2001: 53–58; Паренти 2010: 289–290; Пентковский 2016а: 69]. Второй фрагмент может быть частью триоди или ненотированного триодного стихирая и является древнейшим славянским свидетелем песнопений триодного цикла, причём редакция этих песнопений уникальна и не имеет точных соответствий в известных славянских источниках [Hannick 1985: 115; Momina 2004: \*116; ср. Борисова 2004]. Эти наблюдения о жанре гимнографических сборников, из которых происходят Пражские листки, в полной мере применимы к их протограммам.

По мнению ряда исследователей, начиная с П. Й. Шафарика, происхождение Пражских листков может быть связано с Сазавским монастырём, основанным св. Прокопом (ок. \*970; † 1053) в 1032 г. недалеко от Праги, однако совершение византийского обряда в этом бенедиктинском монастыре маловероятно, в связи с чем цель предполагаемого создания рукописи в Сазаве неясна. Прямые свидетельства о богослужебном обряде Сазавского монастыря до прекращения там славянского богослужения в 1097 г. отсутствуют [Hannick 1985: 108; КМЕ, 3: 264, 522; LMA, 7: 1424–1425]<sup>5</sup>.

В. Ягич считал Пражские листки свидетелем преемственности кирилло-мефодиевской литургической традиции восточного обряда в Моравии и Богемии, не подтвердив свои рассуждения историко-филологическими и историко-литургическими фактами<sup>6</sup>. Того же мнения придерживался Й. Врана

---

другими современными авторами [Никифорова 2013; Chronz, Nikiforova 2014; Nikiforova 2015; Nikiforova, Tucker 2024; Buchinger 2025]. В неопубликованном докладе Т. С. Борисовой [2024] ни одна из работ о византийском тропологии не упомянута; исследовательница присоединяется к гипотезе о «моравском тропологии», который, по её мнению, использовался в так называемом «богослужении миссионерского типа» (термин С. Ю. Темчина) в Великой Моравии... Готовящийся сборник статей по материалам Девятнадцатых Загребинских чтений, на которых был прочитан доклад Т. С. Борисовой [2024], мне на сегодняшний день недоступен; сведений о его публикации мне пока найти не удалось.

<sup>5</sup> Ср. гипотезу М. Йовчевой [2001] о том, что Пражские листки не предназначались для использования в богослужении и были изготовлены для частного употребления; ср. затем возражения Т. С. Борисовой [2024], которая установила сходства и отличия между структурой второго Пражского фрагмента и соответствующего богослужения в среднеболгарской Орбельской триоди XIII в.

<sup>6</sup> «Da es nicht leicht anzunehmen war, daß diese Fragmente irgendwo aus Rußland über Polen in das böhmische Sprachgebiet sich hätten verirren können, da ihre Wanderung aus dem Süden nach dem Norden sich ebenfalls sehr schwer bewiesen ließe — die

[Vrana 1970]. Мареш полагал, что Пражские листки восходят к восточнославянскому богослужебному корпусу, который, в свою очередь, отражает кирилло-мефодиевскую традицию, заимствованную на Русь через болгарско-македонское посредство [Mareš 1949–1950; 1951; 1979: 41]<sup>7</sup>. К числу восточнославянских особенностей Мареш относил примеры деназализации  $\rho > u$ ,  $\epsilon > a$  ( $\ddot{a}$ ), которые обсуждаются далее, и окончание  $\dot{\epsilon}$  ( $\dot{\text{ѣ}}$ ) мягких именных и местоименных основ в формах род. п. ед. ч.  $\text{вѣѣ}$  1 об. и вин. п. мн. ч. м. р.  $\text{сѣѣ}$  2 об., хотя эти явления могут иметь и древнечешское происхождение [Mareš 1949–1950: 54–55; 1979: 43, 45]. То же влияние видел он и в написании  $\dot{\text{ѣ}}$  в словоформе  $\text{грядѣѣ}$  1 об., усматривая здесь новый  $\dot{\text{ѣ}}$  [Mareš 1949–1950: 58–59, 61]. Буква  $\dot{\text{ѣ}}$ , однако, здесь утрачена, а контекст бесспорно указывает на императив:  $\text{Пѣ(н)ѣтикоути сѣѣ грядѣѣ}$ :  $\text{вѣи поѣѣѣмѣ дѣѣ | сѣи}$  1 об.; позднее Мареш отказался от своей гипотезы в пользу корректного чтения, которое не предполагает восточнославянского влияния [Mareš 1979: 42]. Наконец, важным свидетельством кириллического влияния Мареш, а вслед за ним М. Вепжек, сочли мнимую ошибку в числовом употреблении глаголической буквы  $\text{Ѣ}$  для обозначения восьмого гласа (музыкального тона): как известно, эта буква имеет числовое значение ‘20’, тогда как количество гласов равно восьми. В связи с этим Мареш высказал убеждение, что глаголическое  $\text{Ѣ}$  является транслитерацией кириллического и ‘8’ [Mareš 1949–1950: 60; Vepřek 2022: 25, примеч. 30]. Однако ошибки в употреблении буквы  $\text{Ѣ}$  здесь нет, поскольку она выступает не в цифровой функции, а как сокращение архаического славянского музыкального термина (гласъ) искръ ‘плагальный (глас)’ (ср.  $\dot{\eta}\chi\omicron\varsigma \text{ πλάγιος}$ ) [Hannick 1985: 111–112; Мурьянов 1981/2008].

В новейшем исследовании М. Вепжек поддержал гипотезу Мареша о восточнославянском происхождении протографа — или протографов — Пражских листов, предположив, что древняя Русь могла быть одним из источников заимствования церковнославянской письменной культуры в Чехии

---

späteren Beziehungen der kroatischen Glagoliten mit Böhmen konnten gar nicht in Betracht kommen — so war der Gedanke sehr nahe, daß diese Fragmente einen Rest des Glagolismus aus jenen Zeiten bilden, da er faktisch in Mähren noch vorhanden war» [Jagić 1913: 188] («Поскольку было трудно предположить, что эти фрагменты могли каким-то образом попасть из России через Польшу в чешский языковой ареал, а их перемещение с юга на север также было бы крайне трудно доказать — последующие связи хорватских глаголяшей с Богемией нельзя принимать во внимание, — то напрашивалась мысль, что эти фрагменты представляют собой остаток глаголической традиции тех времён, когда она фактически ещё существовала в Моравии»).

<sup>7</sup> «Cesta Velká Morava — Bulharsko (Makedonie — opis) — Rusko (opis) — Čechy (opis) je přirozeným řetězem» [Mareš 1951: 231]. Взгляды Мареша разделяют и некоторые современные авторы [Schaecken, Birnbaum 1999: 132; Vepřek 2022: 13, 25–26].

[Веррек 2022: 25–26]. К сожалению, коллега не учёл работу М. Йовчевой [2001], в которой убедительно доказано, что светильны этого памятника близки именно южнославянской редакции текста, сохранившейся в средне-болгарских и древнесербских рукописях, и не имеют соответствий в восточно-славянской традиции.

Доколко създаването на основните химнографски сборници възхожда към старобългарските книжовни средища, а хипотезите за химнотворческите и химнопреводаческите зами се базират на общи доказателства и противоречиво интерпретирани изворови податки, то връзката на текстовете от *ПрЛ* с Кирило-Методиевата дейност е изключително спорна. Тези съображения не подкрепят стойността на паметника като доказателство за приемственост между книжовните традиции на Великоморавия и Чешкото княжество и за непрекъснато славянско богослужение в тези земи. Комплексът от изнесени текстологически и литургически факти свидетелства за българския произход на архетипа и протографа на *ПрЛ*, а не за очертания сложен път на движението на текстовете: Моравия — България — Русия — Чехия [Йовчева 2001: 65].

Впрочем, ранее В. Вондрак высказал предположение, что тексты Пражских листков были заимствованы в Богемии из Болгарии, на что указывает южнославянское влияние в орфографии и фонетике обоих фрагментов [Vondrák 1904]. Сравним, однако, осторожную позицию В. Облака: «Hübsch finde ich den Nachweis, dass selbst die Prager Fragm. im Zusammenhang mit der auf südslav. Boden rege entfalteten literarischen Thätigkeit stehen, dass sie demnach nicht unter dem unmittelbaren Einfluss des alten pan-nonischen Schriftthums entstanden sind. Die Spuren der neueren, von Bulgarien ausgehenden Redaction sind in ihnen zu deutlich, aber *es ist deshalb doch noch nicht nöthig*, ihre Vorlage *unmittelbar aus Bulgarien* kommen zu lassen» [Oblak 1893: 358; курсив мой. — Р. К.]<sup>8</sup> («Я нахожу убедительным доказательство того, что даже Пражские фрагменты связаны с оживлённой литературной деятельностью, развернувшейся на южнославянской почве, и что, следовательно, они возникли не под непосредственным влиянием древней

<sup>8</sup> Гипотезу о наличии традиции-посредника Облак подтверждает доводами о романских и славянских миграциях на территории современной Румынии и Карпатского региона, как если бы речь шла о заимствовании не письменной литургической традиции, а фольклорных обрядов: «Ich möchte vielmehr die neuen Beziehungen [...] mit der grossen rumänischen Wanderung und der dadurch hervorgerufenen Bewegung unter den Slaven Daciens und der angrenzenden Karpathengebiete in Zusammenhang bringen» [Oblak 1896: 111] («Я же хотел бы связать новые отношения [...] скорее с большой румынской миграцией и вызванным ею движением славян Дакии и прилегающего карпатского региона»).

паннонской письменности. Следы более поздней, происходящей из Болгарии редакции в них слишком очевидны, но *из этого всё же не следует, что их протограф необходимо считать пришедшим непосредственно из Болгарии*». Н. Н. Дурново также был уверен, что тексты Пражских листов попали в Чехию со славянского юга, однако считал их непосредственным источником сербско-церковнославянскую письменность (к сожалению, эта гипотеза отражена только в графической схеме и не подтверждена какими-либо фактами или рассуждениями) [Дурново 1929/2000: 571]. Исходя из историко-культурных и географических соображений, Н. Трунте полагал, что богослужение византийского обряда было заимствовано в Чехию через Венгрию, где в X–XI вв. существовали церковные организации византийского обряда [Trunte 2002]<sup>9</sup>.

### К вопросу о датировке Пражских листов: ъ, ь и морфологические архаизмы

Первый и третий почерки Пражских листов отражают одноеровую орфографию (исключение одно: *отъ(ц)оу* 1), хорошо известную в древнеболгарской письменности [Бояджиев, Велчева 2012], однако из-за отсутствия западнославянского материала неясно, заимствовано ли это явление из южнославянской традиции. Во втором почерке буквы *ъ, ь* употребляются этимологически корректно (*виѣтъскаѣ, поѣтъѣмъ, ветѣхъи, чѣстьное, вѣстьвное* [так!], *Область* и т. д.), однако в пяти случаях перед слогом с непременным гласным *ь* заменён на *ъ* вследствие межслоговой ассимиляции: *сѣѣтъ* | *идѣъна* 1об., *роѣъсо* (вм.: *роѣъство* ‘рождество’) 1 об., *роѣъство* 1об., *сѣѣтоносънаѣ* 1об., *римъска* 1 об.

Общеславянской инновацией является утрата *ъ, ь* в слабой позиции, которая отражена в шести примерах на втором листе: *пси мнози* 2, (*прѣ*) | *зрѣ* 2, *нѣ* | *мѣрноѣ* 2, *Блаженна* 2, *спасѣ* 2 (ср. *мнѣ* 2 род.п. ед. ч., засвидетельствованное также в Синайской псалтири [Diels 1989: 94, 214]). На более древнем первом листе *ъ, ь* в слабой позиции сохранены везде, за единственным исключением: (*ж*)*иво(н)о(сн)иѣ* 1 (если отсутствие диакритики не является следствием угадания текста, на что как будто бы указывают издательские скобки). Часто *ъ, ь* в слабой позиции обозначены надстрочным знаком: (*в*)*ѣселим*’ (*с*)*ѣ* 1 и др. Сочетание *-вѣи-* / *-вѣи-* пишется с титулом без буквы *ъ* в первом и втором почерках (в третьем почерке релевантных примеров нет): *виѣѣх* 1, *осл(ъ)пѣноуѣи* 1, *виѣѣскаѣ* 1 об., *виѣи* 1 об.; ср. <*вѣи*> 1 (реконструкция Мареша?). Последовательное сохранение *ъ, ь* (графически *ъ, ь* или диакритика) на первом листе может свидетельствовать о его большей древности,

<sup>9</sup> См. о византийских церковных организациях и миссиях в Паннонии [Кузнецова 2002: 340–346].

если это не обусловлено различными писцовыми навыками или влиянием протографа. Вокализация ъ, ь в сильной позиции отсутствует: чѣстьное 1 об., вѣстьвное [так!] 1 об., правѣдѣнаго 2 об., вѣ(п)зюце 2 об., правѣд(ѣ) [...] (последняя сохранившаяся словоформа, далее текст утрачен) 2 об.

Отражение ъ, ь во всех трёх почерках Пражских листков подтверждает их датировку XI в., которая поддерживается единичными морфологическими архаизмами: формой простого аориста 3-го л. мн.ч. (о)видоу 2 (впрочем, отмеченной в цитате из Псалтири) и отсутствием категории одушевлённости в одном примере: Каѣ ти кѣзни юдо наоусти прѣ | дати спасѣ 2<sup>10</sup>.

### Языковая интерференция в Пражских листках

Древнечешское происхождение Пражских листков устанавливается на основе их западнославянских (прачешских) фонетических, морфологических и лексических особенностей [Mareš 1949–1950; Reinhart 2000; Šlosar 2014: 1384–1385; Vepřek 2022: 32–33].

#### А) Прачешские фонетические явления:

- 1) сохранение сочетания \**dl*: свѣт|идлѣна 1 (ср. ниже примеры упрощения \**dl* > *l*, представленные только литургическими терминами свѣтилина и отпѣло, что указывает на южнославянскую основу литургической терминологии Пражских листков), мо|длитвоу 1 об., вѣседи (с)ѣа 2 об., (с)ѣдидлѣна 1;
- 2) рефлекс ц сочетания \**tj*: просв<ѣ>ць 1 об., обидѣац : 2, таѣа|цаг(о) сѣа 2 об., вѣ(п)зюце 2 об., нас(ѣ)ицѣшаго 2 об.;
- 3) рефлекс з сочетания \**dj*: оутвѣрзени(е) 1, розѣсо (вм.: розѣство) 1 об., ро|зѣство 1 об.;

<sup>10</sup> Согласно изданию Мареша, в первом почерке представлена форма по(ч)[рѣп]ѣн[и] 1. Глагол поурѣжѣти, поурѣж — *haraх legomenon*, известный в древний период только в Пражских листках, а затем в позднестарорусских (втор. пол. XVII в.) и современных русских церковнославянских текстах [OCSD s.v. поурѣжѣти; СРЯ 11–17, 18: 68–69]. Мареш [Mareš 1951: 221] считал эту форму русизмом, чему, однако, противоречит не только большой хронологический разрыв между древнейшей и последующими фиксациями, но и неэтимологический ѣ перед н: на восточной и среднеболгарской почве неэтимологические ѣ, ь в славянской лексике встречаются не ранее XII в.; в памятниках древнего церковнославянского корпуса это явление неизвестно [Reinhart 2011: 165, 168, 171–172]. Если первый лист Пражских фрагментов действительно датируется XI в., то форма по(ч)[рѣп]ѣн(и) представляет собой древнейшую известную фиксацию неэтимологического ѣ (или ь) в славянской лексеме (ср. [Ibid.: 169–170]). Авторы Пражского словаря старославянского языка, однако, с осторожностью отнеслись к этому написанию в прочтении Мареша, ср.: «по(ч).ѣн.ми Prag1a 9» [OCSD, s.v. поурѣжѣти]. Очевидно, степень сохранности текста не позволяет уверенно судить о том, как именно выглядит обсуждаемая здесь словоформа.

- 4) рефлекс шч сочетания \**stj*: на с(оу)дишчи 2 об.;
  - 5) рефлекс ш третьей палатализации \**s*: виѣхъ 1, виѣхъскаѣ 1 об., виѣи (дважды) 1 об.
- Б) Прачешские и общие севернославянские морфологические явления:
- 1) севернославянское именное окончание тв. п. ед. ч. ср. и м. р. \**ǫ*-основы: дрѣвѣмъ крижъ | :нѣмъ 2 об.;
  - 2) севернославянское окончание ѣ мягких именных и местоименных основ: род. п. ед. ч. (на | прѣставление) вѣѣ 1 об. и вин. п. мн. ч. м. р. (распѣни мѣнѣ | ноую нас(ѣ)ицѣшаго) сѣѣ (вѣ поу | стѣини) 2 об.;
  - 3) окончание -и им. п. ед. ч. сущ. \**ī*-основы: (Каѣ ти) кѣзни (юдо наоустѣ прѣ | дати спасѣ) 2; (того не | мѣрное мѣлоср(ѣ)ди [вм.: милосрѣдѣ] проповѣ | стѣ сѣа и велиѣ) милости 2 об.
- В) Прачешские морфонологические и фонетические инновации:
- 1) стяжение гласных вследствие утраты интервокального *j*: сѣмѣренимъ 1, оудѣренимъ 2, обличѣт(ѣ) (вм.: обличѣетѣ) 2 (ср. [Diels 1989: 113–114, 173]);
  - 2) ср. (дѣра) цѣвление 2а 23 («the graphic confusion of *ijo*-stem endings *-ija* and *-ije* caused by the contraction and the development of tense yers» [Veprék 2022: 33]);
  - 3) утрата *l*-epentheticum: прѣставление 1, про(ѣв)ѣ | вѣше 2.
- Г) (Юго-)западнославянская лексика [Mareš 1951]:
- 1) вопросительная частица *ѣза* 2а 21, 23, 24, <ѣза> 2б 1<sup>11</sup>; ср. то же в целевом употреблении в восточнославянском переводе Жития Феодора Студита [СДРЯ, 3: 204; ср. ESJS, 3: 168];
  - 2) изволеници ‘избранники’ 1; лексема *izvolenikъ* известна также в древних словенских Фрейзингенских фрагментах и в древнечешском переводе Проповедей Григория Великого [OCSD s.v.]; вероятно, праславянский архаизм («ср. др.-инд. *vāra*- ‘выбор, желание, предмет желаний’, *vara*- ‘желанный, предпочтительный, лучший’» [РЭС, 8: 207]) или семантическая калька др.-в.-нем. *wala*, ср. нем. *Wahl* ‘выбор’;
  - 3) цѣсаритѣ 1: глагол цѣсарити известен только в Пражских листках и в Киевских листках [OCSD s.v.];
  - 4) прилагательное крижнѣмъ 2 об. — дериват от крижъ, позднеславянского романизма, который был заимствован из романских диалектов (ср. *krôže*) в ходе миссионерской деятельности аквилейского патриархата [ESJS, 1: 367; Mareš 1949–1951: 227]; само прилагательное

<sup>11</sup> [Mareš 1951: 222–223; OCSD s.v.], фиксация исключительно в Пражских листках.

крижънъ не является признаком западнославянского происхождения текста: оно известно — среди других западнославянских форм — в сочинениях Константина-пресвитера [Йовчева 2001: 63; Momina 2004: \*118–\*119]<sup>12</sup>.

На обоих листах представлены также языковые явления южнославянского происхождения или общие для южно- и восточнославянского ареалов:

- 1) совпадение *i* и *y*: (ж)иво(н)о(сн)их(?) 1; написание и вместо ы не после *р* иногда отмечается в древневосточноболгарских рукописях XI в., но гораздо активнее это смешение засвидетельствовано в Мариинском евангелии, которое отражает древнесербские или северномакедонские особенности [Vondrák 1913: 121; Margulíés 1927: 36; Diels 1989: 95; Nuorluoto 1994: 35, 71; Младеновић 2003: 12, 18–19]<sup>13</sup>; на восточнославянской почве в XI в. явление неизвестно, за исключением непереходного смягчения *акы > аки* в Бычковско-Синайской псалтири к. XI в. [Кривко 2015: 45–47]; в древнечешском языке *y* и *i* не смешивались: хотя записанные латиницей древнечешские памятники в большинстве своём не различают *y* и *i* и используют для обозначения этих гласных какую-либо одну букву (*y* или *i*), начиная с 1388 г. и позднее появляются рукописи, в которых правописание *y*, *i* упорядочено в соответствии с живым произношением *y*, *i* [Gebauer 1894: 208];
- 2) южно- и восточнославянское упрощение группы согласных \**dl > l*, отмеченное исключительно в литургической терминологии византийского обряда, что свидетельствует о её южнославянском происхождении: свѣтилънѣ дв. ч. 1, свѣт<ѣт>и(лъна) 1, свѣт(и)<а'на> 1, свѣтил'на 1 (ср. фонетически адаптированную форму: свѣт|идлъна 1об.), <ѣтъп>ѣ(а)о 2, <ѣтъ>ѣ|пѣло 2; этот процесс опровергает гипотезу

<sup>12</sup> По мнению Т. С. Борисовой [2024], наличие моравизма, напротив, является доказательством моравского происхождения фрагментов триодной службы Пражских листков (данные из песнопений Константина Болгарского при этом не упоминаются). Лексемы живонъснъ, вѣхвалънъ и др., которые Мареш — до появления современных славянских исторических и этимологических словарей — считал западнославянскими [Mareš 1949–1951: 223–224], отмечаются в восточнославянских рукописях, содержащих тексты южнославянского происхождения [Йовчева 2001: 61, 64].

<sup>13</sup> В отношении совпадения *ы > и* древний сербскохорватский ареал, в котором этот процесс проходил раньше, чем в болгарско-македонском регионе, не был однородным: например, в глаголическом отрывке Октоиха втор. пол. XI в., в грамоте бана Кулина (ок. 1189 г.), в Мирославовом евангелии (между 1195 и 1197 гг.) и в Будапештском глаголическом фрагменте (не позднее к. XII в.) переход *ы > и* отмечается только после заднеязычных [Ђорић 2011: 81–82; Савич 2025: 32–33].

- [Trunte 2002] о паннонском посредстве в истории текста Пражских листьев, поскольку древнейшие славянские заимствования в венгерском языке указывают на наличие группы *\*dl* в паннонском славянском, которой в венгерском соответствует гемината *ll*, невозможная в праславянском (ср. *\*vidla* > *villa*, *\*motovidlo* > *motolla*)<sup>14</sup>;
- 3) южнославянское *ѣ* (ѣ, ѣ) в окончаниях сущ. и мест. ж. р. род. п. ед. ч. и вин. п. мн. ч. мягких основ в соответствии с севернославянским *ě* (ѣ): (спѣи) дѣѣ нѣѣ 1, отъ зема 1 об.; севернославянское окончание представлено у второго и третьего писцов (на лл. 1 об. и 2, см. выше Б2), южнославянское окончание у третьего писца (на л. 2) отсутствует (ср. [Vrana 1979: 247]);
  - 4) форма слѣпоу 1, возникшая по аналогии с твёрдой местоименной парадигмой или фонетически в результате «депалатализации» после утраты интервокального *j* [Кузнецов и др. 2006: 102–103 (обзор примеров и литература)]; в западнославянских языках окончание прил. м. р. ед. ч. дат. п. отражает стяжение исконной членной формы *-оуѣмоу* за счёт вытеснения первого гласного и продления *e* (ср. чешск. *slépětu*), эта инновация засвидетельствована уже в Пражских глоссах XI–XII вв., ср. *po podanemu* — лат. *qui per concessae [concessam] redemptionis [redemptoris], po chotenemu* — лат. *praesentia concupitae formae famulatur* [Schaecken 1989: 163, 172, 177; Reinhart 2000: 168 (о стяжении в XI в.); Šlosar 2014: 1385].

Таким образом, ни одно из языковых явлений Пражских листьев не доказывает восточнославянского посредства в истории их текстов, а одна форма — (ж)иво(н)о(сн)их(ъ) — невозможна ни в древнечешском, ни в древнем восточнославянском, будучи исключительно южнославянской особенностью. Южнославянским влиянием объясняются написания ѣ, ѣ в соответствии с *ѣ* в именных и местоименных окончаниях мягких основ. Дальнейшие особенности употребления букв носовых гласных, на которые пока не обращалось должного внимания, позволят уточнить локализацию протографов Пражских листьев в пределах южнославянского ареала.

<sup>14</sup> О паннонском славянском и древнейших славянских заимствованиях в венгерском как источнике по праславянской фонетике см. [Хелимский 2000: 416–432; Richards 2003; Stachowski 2009; Zoltán 2020; Greenberg 2025; Kassian 2025]. Наличие группы *dl* в паннонском славянском [Zoltán 2020; Kassian 2025: 330–331] противоречит, однако, убедительные выводы Й. Схакена и Г. Хольцера о паннонско-славянском происхождении глаголического Киевского sacramentaria (Киевских листьев) X в., в котором праслав. *\*dl* представлено рефлексом *l* [Schaecken 1987; Holzer 1997: 88; 2002] (ср. выше). Эти наблюдения согласуются с выводом Е. А. Хелимского [2000: 47] об упрощении паннонско-славянского *\*dl* > *l*, что, однако, оспаривается в работах [Zoltán 2020; Kassian 2025: 330–331].

### Употребление букв носовых гласных

В древнечешском языке носовые гласные были утрачены в к. X — нач. XI в. *Terminus post quem* определяется латинскими формами имени Святополка Моравского († 894), его сына Святополка Второго (\*ок. 884, † после 899) и св. Вячеслава Чешского (\*ок. 907, † 935) — *Sventopluk* или *Venceslaus*, которые в таком виде (с вариациями типа *Zventapu* [...], *Zentobolchus*, *Vencieslavvs*, *Wencezlaus* и т. п.) вошли в средневековую латынь: с помощью сочетания *en* они отражают праславянское носовое *ę*. *Terminus ante quem* устанавливается временем появления монет чешского мастера Мысляты, чьё имя на денарах его чеканки обозначается как MIZLENTA (денар типа F III/19, 995–999 гг.) или MIZLETA (денары F IV/14, F 310, 312b 995–1004 гг.) [Böhmová 1989; 1990: 115; Reinhart 2000: 171; Palkosková 2010: 11–12; ср. Palkosková 2015]<sup>15</sup>. Надёжным свидетельством утраты носовых служат более поздние формы BRACIZLAVS, BRACISLAV, BRECI(S) LAVC, BRETISLAV на денарах Бжетислава Первого (\*1037, †1055) и Бжетислава Второго (ок. \*1056, †1100) [Šmerda 1996: 73, 77; Palkosková 2006]. Первая часть этого прозрачного композита отражает праславянский звуко-подражательный корень \*brenk-, представленный и в восточнославянском *Брячислав* [Gebauer 1894: 104; РЭС 5: 321–322]. Последующее древнечешское изменение *ę* > *ä* > *a* перед твёрдыми согласными отражено в надписях на монетах Святополка Чешского периода его княжения в Оломоуце в 1095–1107 гг.: SVETOPULC, SVATOPULC, ZVATOPULC, хотя в именах собственных до XIII в. продолжают встречаться фонетически похожие варианты типа *Visseta* — *Vissata*, *Myleta* — *Milata* [Šmerda 1996: 80–81; Reinhart 2000: 171–172].

Примеров с рефlekсами праславянского *ę* в нумизматических надписях нет, однако в Пражских глоссах XI–XII вв. переход *ę* > *u* отражён без исключений [Schaeken 1989: 163]. Что касается рефlekса *ę*, то он, как правило, передаётся с помощью *a* или *e*, причём в разных частях текста

<sup>15</sup> Й. Райнхарт полагал, что форма MIZLETA может быть результатом ошибки, учитывая уникальное VECEZLAS на денаре ок. 1020 г. по отношению к чешскому имени *Václav*, которое до XIV в. почти без исключений передавалось как WENZESLAUS с ориентацией на консервативную форму имени св. Вячеслава Чешского [Reinhart 2000: 171]. На мой взгляд, фонетическая достоверность формы MIZLETA всё же доказывается, во-первых, её неединичным употреблением на монетах разной чеканки, во-вторых, немногим более поздним происхождением (995–1004 гг.) по сравнению с вариантом MIZLENTA (995–999 гг.), что свидетельствует о смене узуса в передаче носовых гласных средствами латинской графики на древнечешских денарах в самом конце X в.

может преобладать тот или иной вариант<sup>16</sup>. «Die Grifelglossen weisen nur *e* auf [...]. Bei den Tintenglossen finden wir für das Reflexivpronomen *se* dreizehnmal *ze* / *fe* [...] und siebenmal *fa* [...]. Vereinzelt sind die Schreibweisen *æ* [...] belegt» («В грифельных глоссах засвидетельствовано только *e* [...]. В чернильных глоссах возвратное местоимение *se* тринадцать раз передано как *ze* / *fe* [...] и семь раз — *fa* [...]. Единичными примерами засвидетельствованы написания *æ* [...]») ([Schaeken 1989: 163]; см. также [Reinhart 2000: 169]). Исключением является уникальное написание *cenſto* ‘часто’, которое считается реликтовым церковнославянским архаизмом, ср. в этом же памятнике *caſtego* [Schaeken 1989: 165, 186]<sup>17</sup>. Учитывая, однако, консервативные написания типа *Wencezlaus* или *Sventopluk*, форма *cenſto* может быть и прачешским реликтом, возникшим благодаря соотносению новых неносовых звуков с возможной архаической формой их передачи на письме.

В Пражских листках буквы носовых гласных употребляются следующим образом (формы *viť* род. п. ед. ч. 1 об. и *siť* 2 об. с севернославянской флексией *ě* или *ě* упомянуты выше и далее не рассматриваются):

1) рефлекс  $\varphi$

1.1) первый писец (л. 1):

А, ІА: ПрѢ(ОБ)р<А>зи с(А) 1, [...]АІА 1<sup>18</sup>, (спси) дѣА наш(А) 1, бо<ІАЦАІАИ  
сІА> 1, радѡує |мъ сІА и (в)еселим' (с)ІА 1, (мІА) 1, В(ъ)з(н)е(се сІА) 1;

1.2) второй писец (л. 1 об.):

а, ѿ: възнесе сѧ 1 об., ꙗзыцѣности [так в изд.!] 1 об., ꙗзыцѣности 1 об., грѣхъ дѣтѣ 1 об., оумоудѣна 1 об., поклонѣмъ сѧ 1 об., ѿдрѣж<sup>19</sup> 1 об., хвалѣщимъ 1 об., прѣстави сѧ отъ земли 1 об.;

<sup>16</sup> Ср.: «Heute wissen wir, daß dieses *e* ein *ä* repräsentiert» [Vintr 1986: 104] («Сегодня мы знаем, что это *e* передаёт *ä*»). Согласно Й. Схакену, «[d]as Schwanken zwischen den Schreibweisen *a* und *e* läßt sich erklären, wenn wir für *e* den Reflex *ä* annehmen, welcher sowohl durch den Buchstaben *a* als *e* wiedergegeben werden konnte» [Schaeken 1989: 163] («Колебания между написаниями *a* и *e* можно объяснить, если мы примем для *e* рефлекс *ä*, который мог передаваться как буквой *a*, так и буквой *e*»).

<sup>17</sup> О церковнославянско-древнечешской интерференции в древнечешских глоссах см. [Reinhart 2000: 165].

<sup>18</sup> Параллели и греческий оригинал соответствующего песнопения неизвестны [Йовчева 2001: 57]; буквы -αυα в конце словоформы могут указывать на членную форму прич. наст. вр. м. или ж. р. мн. ч. вин. п. или ж. р. ед. ч. род. п.

<sup>19</sup> Так; ошибочное написание буквы **o** непоказательно: писец мог пропустить как второй элемент диграфа **œ**, обозначающий назальность, так и второй элемент диграфа **æ** = **ay**.

## 1.3) третий писец (л. 2–2 об.):

а, ѡ: мѡа (3 раза) 2, тѡа (4 раза) 2, 2 об.; [т]ѡ вм. та 2, обидѡац[ѣ] 2, тѡа 2 об., проповѣ|стѣ сѡа 2 об., възсѣди (с)ѡа 2 об., проп(ѡа)|тѣ сѡа 2 об., таѡа|цаг(о) сѡа 2 об., помѡани ма 2 об., мѡанѣ|ноую тв. п. (так, ср. *μαννα*) 2 об.;

а: оудариша 2, възложиша 2, та 2 (вм.: та), <т>а (вм.: та) 2, коупиша 2 об., постави|ша 2 об.;

ѣ: не (п)ом(ѣ)|нѣ 2 об.;

2) рефлекс *ϱ* и написание ж вм. оу

## 2.1) л. 1, первый писец:

оу, ю: [...]аюю 1, (п)<р>и(сн)от<ек>оу(ц)<ѣ> 1, б(оудѣ)<тѣ> 1, <те|коуц>(ѣ) 1, [слав]оу 1<sup>20</sup>, хвалоу 1, славоу 1, осл<ѣ>пѣноуѣши 1, славо(ю) 1;

## 2.2) л. 1 об., второй писец:

оу, ю: оумоудрѣа 1 об., мо|длитвоу 1 об., прѣмоуд|раѣ 1 об., дѣвоицею 1 об. ж, ѡ: сво<ѡж> 1 об., твоѡж 1 об., ѡадроѡж 1 об.;

## 2.3) л. 2–2 об., третий писец:

оу, ю вм. ж: (о)видоу аор. 3 л. мн. ч. 2, ланитоу 2, лѣжесѣѣстовахоу 2, законопрѣстоу|пѣно 2, отъри(н)оу аор. 3 л. ед. ч. 2 об., прѣстоупи 2 об., (оу)дишги 2 об., въз(п)ѣюце 2 об., мѡанѣ|ноую тв. п. (так, ср. *μαννα*) 2 об.;

ж: възпрашахж 2;

ж вм. оу: помилжи 2.

Эти примеры можно обобщить в таблице (с. 191).

Таким образом, утрата *ϱ* отражается во всех трёх почерках. В первом почерке буквы ж, ѡ полностью отсутствуют; в третьем почерке двумя примерами представлена только буква ж, причём в соответствии с рефлексом *ϱ* — один раз. Во втором почерке, напротив, имеется лишь ѡж, засвидетельствованное тремя этимологически корректными написаниями, которым противопоставлены четыре написания оу, ю для обозначения рефлекса *ϱ*.

Что же касается обозначения рефлексов *ϱ*, то в обоих почерках на первом листе буквы а, ѡ употребляются этимологически корректно в 100 % случаев (22 примера). На втором листе, или в третьем почерке, чуть меньше, чем в трети случаев (семь примеров из 23) рефлекс *ϱ* обозначен с помощью а или ѣ. Вариативность а — ѣ соответствует колебаниям а — е в способах передачи рефлексов *ϱ* в надписях на древнечешских денарах и в древнечешских глоссах, где буква е передавала звук *ä*. Этот звук более точно мог быть передан глаголическим *Δ* (ѣ), поэтому варианты с а или ѣ в соответствии

<sup>20</sup> Реконструкция на основе среднеболгарской параллели *славж* [Йовчева 2001: 67].

| л. 1 (первый почерк) |        |        |                            | л. 1 об. (второй почерк) |       |        |       | л. 2 (третий почерк) |        |       |       |
|----------------------|--------|--------|----------------------------|--------------------------|-------|--------|-------|----------------------|--------|-------|-------|
| ѣ, ѣѣ                | ю, ю   | на     | месте                      | ѣ, ѣѣ                    | на    | месте  | ѣ, ѣѣ | ѣ, ѣѣ                | ю, ю   | на    | месте |
|                      |        |        |                            |                          |       |        |       |                      |        |       |       |
| ѣ, ѣѣ                | ю, ю   | на     | месте                      | ѣ, ѣѣ                    | на    | месте  | ѣ, ѣѣ | на                   | ю, ю   | на    | месте |
| на                   | месте  | рефле- | ксѣ ѣ                      | на                       | месте | рефле- | ксѣ ѣ | на                   | рефле- | ксѣ ѣ | на    |
| месте                | рефле- | ксѣ ѣ  | смешение с другими буквами | рефле-                   | ксѣ ѣ | ксѣ ѣ  | на    | месте                | ксѣ ѣ  | на    | месте |
| рефле-               | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ                      | ксѣ ѣ                    | ксѣ ѣ | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ | ксѣ ѣ                | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ | ксѣ ѣ |
| ксѣ ѣ                | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ                      | ксѣ ѣ                    | ксѣ ѣ | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ | ксѣ ѣ                | ксѣ ѣ  | ксѣ ѣ | ксѣ ѣ |
| 0                    | 9      | 12     | 0                          | 3                        | 4     | 10     | 0     | 1                    | 10     | 16    | 7     |

с рефлексом *ε* в третьем почерке отражают, вероятнее всего, древнечешскую фонетическую инновацию. Не исключено, что здесь сказываются навыки латинской графики, которой мог владеть третий писец для записи древнечешских текстов.

С этимологической точки зрения правильное употребление букв *а*, *ѡ* в Пражских листках не объясняется древнечешской фонетикой, поскольку носовые гласные к моменту появления памятника были в прачешском языке утрачены. Тем не менее всё выглядит так, как будто, несмотря на это, первый и второй писцы безошибочно умели применять малые юсы для обозначения утраченного в древнечешском языке *ε*, но почему-то не знали правил употребления большого юса. Не владел ими и третий писец, использовавший в соответствии с *ϕ* одно «этимологически корректное» и одно «ошибочное» написание с *ж* вместо *оу* — и восемь написаний с *оу*, *ю* вместо *ж*. При этом, однако, третий писец сумел верно передать рефлекс *ε* в 16 примерах с помощью *а*, *ѡ*, заменив в семи случаях эти буквы на *д*, *ѣ*, которые соответствовали древнечешским рефлексам *ε*.

Очевидно, что разница в обозначении рефлексов *ϕ*, *ε* в Пражских листках определялась не различными навыками писцов, разделённых половиной столетия и умевших обозначать утраченное *ε*, но не знавших, как при этом «правильно» передать *ϕ*. Разница в передаче рефлексов *ϕ* и *ε* объясняется влиянием южнославянских протографов Пражских листков, в наличии которых нет сомнений. Эти протографы возникли в той диалектной зоне, где носовой *ϕ* был утрачен и совпал с *и* (*оу*), однако *ε* при этом продолжал какое-то время сохраняться. Такое состояние представлено в древнем сербскохорватском ареале, в котором начало деназализации *ϕ*, вероятно, относится уже к середине X в., о чём может свидетельствовать форма «Λουκαβῆται, τὸ (Λουκαβῆτσι/-τῆσι) *Lukavъci*, Lok. zu \**Lϕkavъсь* > *Lukavac*» и некоторые другие, менее надёжные примеры у Константина Багрянородного, при абсолютно последовательном сохранении *ε* в древних сербскохорватских именах собственных (ср. Κοσέντζης, Πασέντα, Τζέντινα) [Loma 1999/2000: 113]. Деназализация *ϕ* при сохранении *ε* отражена также тремя глаголическими рукописями древнего церковнославянского корпуса XI в., происхождение которых на основе ряда признаков — в первую очередь именно деназализации *ϕ* > *и* (при сохранении *ε*), а также мены *ы* > *и* (не после *р*) — относительно достоверно локализуется в пределах древнего сербскохорватского, западного или северо-западного македонского ареалов: Клоцов сборник, Мариинское евангелие и Синайская псалтирь<sup>21</sup>. Исходя из историко-церковных

<sup>21</sup> О деназализации *ϕ* > *и* (при сохранении *ε*) как вероятной сербскохорватской особенности в Мариинском евангелии, Клоцовом сборнике и Синайской псалтири (в том числе в сравнении с другими памятниками) см. [Jagic 1883: 423–424; Vondrák 1912:

и историко-литургических соображений, А. М. Пентковский [2016б: 53–54] соотносил эти рукописи, а также фрагмент глаголического палимпсеста — октоиха к. XI в.<sup>22</sup> с корпусом богослужебных книг, использовавшихся в XI в. на территории Рашской епархии и восходивших, в свою очередь, к глаголической богослужебной традиции славянских епархий середины X в. на территории современной Македонии.

## Выводы

Обозначение рефлексов носовых гласных во всех трёх почерках Пражских листов и один случай написания и вместо ы не после ʀ соответствуют архаическим в грамматическом и текстологическом отношении древним церковнославянским памятникам сербскохорватского происхождения, к которым относят, с разной степенью уверенности, Мариинское евангелие, Клоцов сборник и Синайскую псалтирь. Восточнославянское посредство в истории текста Пражских листов не подтверждается; их сербско- или македонско-церковнославянские параллели свидетельствуют также об отсутствии преемственности между моравско-паннонским и древнечешским этапами славянского богослужения в центральной Европе. Славянское богослужение византийского обряда было заимствовано в Чехию со славянского юга. Судя по разной датировке первых двух и третьего почерков Пражских листов, разделённых примерно половиной столетия, это богослужение существовало в Чехии несколько десятилетий в течение XI в., что совпадает со временем бытования церковнославянской традиции в Сазавском монастыре.

Редакция текстов Пражских листов не имеет восточнославянских параллелей, но в некоторых случаях соответствует гимнографической традиции Первого Болгарского царства, засвидетельствованной младшими среднеболгарскими и древнесербскими рукописями. Эта традиция была заимствована в Чехию через сербское или северно-македонское посредство, о чём свидетельствует и южнославянский фонетический облик гимнографической и литургической терминологии (отъꙗꙋло, свѣтъильна, съдильна). Вероятно,

---

123–124, 143–145; Margulíes 1927: 54–55; Lunt 1982: 220–221; Koneski, Vidoeski 1983: 120; Diels 1989: 98–100; Schaeken, Birnbaum 1999: 98, 113 (сомнения в сербскохорватской локализации Клоцова сборника); Вайан 2002: 57; Грковић-Мејдор 2011; Савић 2016: 255–258]. Обзор примеров и цитируемой здесь литературы см. в [Кривко 2016: 127–128]. В Мариинском евангелии известно несколько случаев написания ѣ вместо ѧ, «[v]ielleicht ergab die Entnasalisierung des ɛ einen Laut, der von e teilweise verschieden (offener?) war, und den der Schreiber des Mar. lieber mit ʦ als mit ɛ wiedergab» [Diels 1989: 100] («Возможно, деназализация ɛ дала звук, который чем-то отличался от e (был более открытым?) и который писец Мар. предпочитал передавать буквой ѣ, а не ɛ»).

<sup>22</sup> Российская национальная библиотека, Q. п. I 64.

контактным звеном здесь служили церковные организации на территориях северо-западной Македонии и восточной Сербии, которые принадлежали Первому Болгарскому царству и после его падения вошли в состав основанной в 1020 г. Охридской архиепископии. Эта византийская церковная организация, административные границы которой в XI в. приблизительно совпадали с политическими границами Первого Болгарского царства, служила единственным источником византийско-церковнославянской письменной культуры для славянского востока и запада.

Отсутствие греческих и славянских параллелей для некоторых гимнов Пражских листков позволяет предполагать, что они возникли на чешской почве. С типологической точки зрения чешско-церковнославянская традиция X–XI вв. сопоставима с восточнославянской, в частности с восточнославянскими переводами XI — нач. XII в., как их характеризует Анна Абрамовна Пичхадзе. Обе традиции возникли на основе древнеболгарских церковнославянских корпусов, причём в обоих случаях остаются неясными исторические, церковно-правовые и политико-административные обстоятельства контакта между географически разделёнными славянскими письменными культурами на юго-западе и востоке Балкан и в центральной и восточной Европе.

### Словари, корпусы и базы данных, справочные и серийные издания

- РЭС — *Е. А. Аникин*. Русский этимологический словарь. Т. 1–19. М., 2007–2025–.  
 СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–13. М., 1988–2023–.  
 СРЯ 11–17 — Словарь русского языка 11–17 вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023–.  
 ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Seš. 1–21. Praha; Brno, 1989–2022.  
 КМЕ 1–4 — Кирило-методиевска енциклопедия. Т. 1–4. София, 1985–2003.  
 LMA 1–9 — *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 1–9. 2. Ausg. München, 1999–2002.  
 OCSD — Digital Old Church Slavonic Dictionary // GORAZD: The Old Church Slavonic Digital Hub. URL: [gorazd.org](http://gorazd.org)

### Литература

- Борисова 2024 — *Т. С. Борисова*. Гимнография Пражских глаголических отрывков и ранние редакции славянской Триоди // Международная научная конференция «Девятнадцатые Загребинские чтения». 8–9 октября 2024 г. (неопубликованный доклад, см. [rutube.ru](https://rutube.ru)).
- Бояджиев, Велчева 2012 — *А. Бояджиев, Б. Велчева*. За едноеровия правопис с ъ в старите български паметници // *Legendák, kódexek, források. Tanulmányok a 80 esztendő H. Tóth Imre tiszteletére* / S. M. Koscis, H. Majoros. Szeged, 2012. С. 355–358.

- Вайан 2002 — *А. Вайан*. Руководство по старославянскому языку. 2-е (стереотип.) изд. М., 2002.
- Грковић-Мејдор 2011 — *Ј. Грковић-Мејдор*. О формирању српске редакције старословенског језика // Турђеви ступови и Будимљанска епархија. Беране; Београд, 2011. С. 43–51.
- Грунский 1905 — *Н. К. Грунский*. Пражские глаголические отрывки. СПб., 1905.
- Дурново 1929/2000 — *Н. Н. Дурново*. Мысли о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 566–612.
- Йовчева 2001 — *М. Йовчева*. Пражките глаголически листовe в контекста на старо-българската химнография // Wiener Slavisches Jahrbuch. 2001. Bd. 47. С. 51–72.
- Кривко 2008 — *Р. Н. Кривко*. Синайско-славянские гимнографические параллели // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Филология. 2008. № 1/11. С. 56–102.
- Кривко 2015 — *Р. Н. Кривко*. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.
- Кривко 2016 — *Р. Н. Кривко*. Орфография рукописи как свидетель текстологической преемственности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. 9: История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 124–148.
- Кузнецов и др. 2006 — *А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько*. Прилагательные. М., 2006 (Историческая грамматика древнерусского языка, 3).
- Кузнецова 2002 — *А. М. Кузнецова*. Христианство в Венгрии на пороге второго тысячелетия // Христианство в странах восточной, юго-восточной и центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 340–397.
- Младеновић 2003 — *А. Младеновић*. Прилог објашњењу неких особина језика Маријинског четворојеванђеља // Археографски прилози. 2003. № 25. С. 11–32.
- Мурьянов 1981/2008 — *М. Ф. Мурьянов*. О старославянском ислѣ и его производных // М. Ф. Мурьянов. История книжной культуры России. Очерки. Т. 2. М., 2008. С. 256–266.
- Никифорова 2013 — *А. Ю. Никифорова*. Из истории Минеи в Византии. Гимнографические памятники VIII–XII вв. из собрания монастыря св. Екатерины на Синае. М., 2013.
- Німчук 1983 — *В. В. Німчук*. Київські глаголичні листки. Київ, 1983.
- Паренти 2010 — *С. Паренти*. Върху историята на ексапостилария // Пътице малю Гевургию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн. Г. Попов / Ред. М. Йовчева. София, 2010. С. 285–296.
- Пентковский 2016а — *А. М. Пентковский*. Славянское богослужение византийского обряда и корпус славянских богослужебных книг в конце IX — первой половине X веков // Slověne. 2016. № 2/5. С. 54–120.
- Пентковский 2016б — *А. М. Пентковский*. Славянское богослужение и церковные организации в сербских землях в X–XII веках // Стефан Немања — преподобни

- Симеон Мироточиви. Зборник радова у два тома. Т. 2. / Ур. М. Радујко. Београд; Беране, 2016. С. 35–61.
- Савић 2016 — *В. Савић*. Српска редакција црквенословенског језика: од св. Климента, епископа словенског, до св. Саве, архиепископа српског // *Slověne*. 2016. № 5/2. С. 231–339.
- Савич 2025 — *В. Савич*. Будапештский глаголический отрывок: новые взгляды // *Славянское и балканское языкознание*. Вып. 25: Палеославистика. 6 / Отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2025. С. 13–44.
- Ђорић 2011 — *Б. Ђорић*. Повеља бана Кулина. Графемика. Фонемика. Морфемика. Београд, 2011.
- Хелимский 2000 — *Е. А. Хелимский*. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- von Arnim 1930 — *B. von Arnim*. Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum. Leipzig, 1930 (Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, 3).
- Böhmová 1989 — *O. Böhmová*. Mizlenta-Mizleta na českých denárech // *Numismatické listy*. 1989. № 44/1. S. 14–15.
- Böhmová 1990 — *O. Böhmová*. Hláskový vývoj zachycený na českých denárech 10.–11. století // *Listy filologické*. 1990. № 113/2. S. 110–134.
- Buchinger 2025 — *H. Buchinger*. Perspectives on the Early Hagiopolite Tropologion (A Response to Peter Jeffery and Svetlana Kujumdzieva) // *Plainsong & Medieval Music*. 2025. № 34. P. 33–43.
- Chronz, Nikiforova 2013 — *T. Chronz, A. Nikiforova*. Beobachtungen zum ältesten bekannten Tropologion — Codex Sinaiticus graecus МГ 56+5 des 8.–9. Jhs mit Erstedition ausgewählter Abschnitte // *Synaxis katholike*. Beiträge zu Gottesdienst und Geschichte der fünf altkirchlichen Patriarchate für Heinzgerd Brakmann zum 70. Geburtstag. 1. Tlbd. / Hrsg. von D. Atanassova, T. Chronz. Wien, Berlin, 2014. S. 147–174. (Orientalia — Patristica — Oecumenica, 6.1.)
- Diels 1989 — *P. Diels*. Altkirchenslavische Grammatik. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe von 1963. Heidelberg, 1989.
- Fiala 1897 — *E. Fiala*. České denáry. Praha, 1897.
- Gebauer 1894 — *J. Gebauer*. Historická mluvnice jazyka českého. Díl I: Hláskosloví. Praha; Vídeň, 1894.
- Greenberg 2025 — *M. L. Greenberg*. Pannonian Slavic // *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* / Ed. by M. L. Greenberg (Brill), 2025.
- Hannick 1985 — *Ch. Hannick*. Der liturgische Standort der Prager Glagolitischen Fragmente // *Litterae slavicae medii aevi* Francisco Vencelsao Mareš sexagenario oblatae / Hrsg. von J. Reinhart. München; Berlin; Washington D.C., 1985. S. 107–118. (Sagners Slavistische Sammlung, 8)
- Hauptová 1998 — *Z. Hauptová*. Cirkevňeslovanské písemnictví v přemyslovských Čechách // *Jazyk a literatura v historické perspektivě* / Red. D. Moldanová. Ústí nad Labem, 1998. S. 5–42.

- Holzer 1997 — *G. Holzer*. Zum gemeinslavischen Dialektkontinuum // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1997. Bd. 43. S. 87–102.
- Holzer 2002 — *G. Holzer*. Altkirchenslawisch // Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Hrsg. von M. Okuka, G. Krenn. Klagenfurt; Wien, 2002. S. 187–202.
- Holzer 2003 — *G. Holzer*. Zum Wortschatz des slavischen Substrats in Österreich. I. Schichten und Areale // *Studia etymologica Brunensia*. Vol. 2 / Ed. I. Janyšková, H. Karlíková. 2003. 2. 215–227.
- Höffler, Šafařík 1857 — *K. A. K. Höffler, P. J. Šafařík*. Glagolitische Fragmente. Prag, 1857.
- Hürner 2010 — *D. Hürner*. Palaögraphie und Graphematik der westkirchenslawisch-glagolitischen Kiever und Prager Blätter im Kontext der sinaitischen Tradition unter besonderer Berücksichtigung der Einträge des Demetrius Sinaiticus. (Dissertation.) Wien, 2010.
- Jagić 1883 — *V. Jagić*. Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus glagoliticus. Berlin; Sankt-Peterburg, 1883.
- Jagić 1913 — *V. Jagić*. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
- Kassian 2025 — *A. Kassian*. Pannonian as a West Slavic Language: Dialect Vocabulary // *Transactions of the Philological Society*. 2025. 123/2. P. 329–349.
- Koneski, Vidoeski 1983 — *B. Koneski*. A Historical Phonology of the Macedonian Language, with a survey of the Macedonian dialects and a map by B. Vidoeski. Heidelberg, 1983 (Historical Phonology of the Slavic Languages, 12).
- Krivko 2020 — *R. N. Krivko*. Church Slavic, Canonical // Ed. by M. L. Greenberg. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* (Brill).
- Loma 1999/2000 — *A. Loma*. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos // *Зборник радова Византолошког института*. 1999/2000. № 38. S. 87–162.
- Lunt 1982 — *H. G. Lunt*. On Dating Old Church Slavonic Gospel Manuscripts // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 1982. № 2. P. 215–231.
- Lunt 1988 — *H. G. Lunt*. Once again *The Kiev Folia* // *Slavic and East European Journal*. 1988. Vol. 32. P. 595–616.
- Mareš 1949–1950 — *F. V. Mareš*. Pražské zlomky a jejich předloga v světle hláskoslovného rozboru // *Slavia*. 1949–1950. № 19. S. 54–61.
- Mareš 1951 — *F. V. Mareš*. Pražské zlomky a jejich původ v světle lexikálního rozboru // *Slavia*. 1951. № 20. S. 219–232.
- Mareš 1979 — *F. W. Mareš*. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979 (Slavistische Propyläen, 127).
- Margulíés 1927 — *A. Margulíés*. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927 (Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. 3. Reihe: Texte und Untersuchungen, 4).
- Miklas 2023 — *H. Miklas*. Nachlese // *Die Kiever Blätter (Sacramentarium Glagolicum Sinaiticum) der Vernads'kyj-Nationalbibliothek der Ukraine (Cod. F. 301, Nr. 328 P)*.

- Faksimile-Edition mit kyrillischer Transliteration und Paralleltexten (Glagolitica Sinaitica, 3) / Hrsg. von H. Miklas, D. Hürner. Sofia, 2023. S. 184–187.
- Miklas, Hürner 2023 — Die Kiever Blätter (Sacramentarium Glagolicum Sinaiticum) der Vernads'kyj-Nationalbibliothek der Ukraine (Cod. F. 301, Nr. 328 P). Faksimile-Edition mit kyrillischer Transliteration und Paralleltexten. (Glagolitica Sinaitica, 3.) / Hrsg. von H. Miklas, D. Hürner. Sofia, 2023.
- Momina 2004 — *M. A. Momina*. Einführung // Tridion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts. Teil 1: Vorfastenzeit / Hrsg. von M. A. Momina, N. Trunte. Paderborn, München; Wien; Zürich, 2004. S. \*1–\*359. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 110. Patristica Slavica. Bd. 11).
- Nikiforova 2015 — *A. Nikiforova*. The Oldest Greek Tropologion Sin.Gr. MГ 56+5: A New Witness to the Liturgy of Jerusalem from outside Jerusalem with First Edition of the Text // *Oriens Christianus*. 2015. № 98. P. 138–174.
- Nikiforova, Tucker 2024 — *A. Nikiforova, G. Tucker*. A 'Hagiopolite-prototridion' in the new Tropologion Sin. Gr. NE MG 56 + 5: Quadragesima Hymns // *Orientalia Christiana periodica*. 2024. Vol. 90. P. 67–142.
- Nuorluoto 1994 — *J. Nuorluoto*. Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung. München, 1994 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 24).
- Oblak 1893 — *V. Oblak*. Zur Würdigung des Altslovenischen // *Archiv für Slavische Philologie*. 1893. Bd. 15. S. 338–370.
- Oblak 1896 — *V. Oblak*. Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente // *Archiv für Slavische Philologie*. 1896. Bd. 18. S. 106–112.
- Palkosková 2006 — *O. Palkosková*. Záhada vývoje jména *Břetislav* // *Acta onomastica*. 2006. № 47. S. 383–385.
- Palkosková 2010 — *O. Palkosková*. Projevy grafických systémů v raných českých textech // *Didaktické studie*. 2010. № 2/2. S. 11–15.
- Palkosková 2015 — *O. Palkosková*. Jazyk českých denárů. Kolín, 2015.
- Podlaha 1922 — *A. Podlaha*. Soupis rukopisů Knihovny Metropolitní kapitoly pražské. Č. 2. Praha, 1922 (Soupis rukopisů knihoven a archivů zemí českých, 4).
- Reinhart 2000 — *J. Reinhart*. Möglichkeiten und Grenzen der Rekonstruktion des Urtschechischen // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2000. Bd. 46. S. 165–174.
- Reinhart 2011 — *J. Reinhart*. Die Chronologie der Entstehung der sekundären Jerlaute im Serbokroatischen (Bosnischen, Kroatischen, Serbischen) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2011. Bd. 57. S. 165–178.
- Richards 2003 — *R. Richards*. The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian. Los Angeles, 2003.
- Schaeken 1987 — *J. Schaeken*. Die Kiever Blätter. Amsterdam, 1987.
- Schaeken 1988 — *J. Schaeken*. Anmerkungen zu den sog. Jagic-Glossen // *Studies in Slavic and General Linguistics*, 11: Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Linguistics. Leiden, 1988. S. 469–479.

- Schaeken 1989 — *J. Schaeken*. Die tschechish-kirchenslavischen Patera-Glossen (St. Gregor-Glossen, Prager Glossen) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1989. Bd. 35. S. 159–191.
- Schaeken 1996 — *J. Schaeken*. The Prague Fragments. On the basis of the facsimile editions by N. K. Grunskij [...], T. A. Lysaght [...], V. Vondrák; TITUS version by J. Gippert 28.2.1998 / 21.6.1998 / 1.6.2000 / 31.8.2002 / 14.8.2010. Online: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/aksl/praglist/pragl.htm>.
- Schaeken, Birnbaum 1999 — *J. Schaeken, H. Birnbaum*. Altkirchenslavische Studien, II. Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte — Laute und Schriftzeichen — Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern). München, 1999 (Slavistische Beiträge, 382).
- Stachowski 2009 — *M. Stachowski*. Eugen Helimskis Materialien zur Erforschung der ältesten slawisch-ungarischen Sprachkontakte // *Studia etymologica Cracovensia*. 2009. № 14. S. 35–107.
- Šlosar 2014 — *D. Šlosar*. Frühe volkssprachliche Entwicklung: Tschechisch // Die Slavischen Sprachen. The Slavic languages. Bd./Vol. 1 / Hrsg. von K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta. Berlin; Munich; Boston, 2014. S. 1384–1396. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 32.2).
- Šmerda 1996 — *J. Šmerda*. Denáry české a moravské. Katalog mincí českého státu od X. do počátku XIII. století. Brno, 1996.
- Trunte 2002 — *N. Trunte*. Der kyrillomethodianische Festkalender nach dem Zeugnis der Prager Fragmente // *Orthodoxe Theologie zwischen Ost und West. Festschrift zum 60. Geburtstag von Prof. Theodoros Nikolaou* / Hrsg. von V. Ivanov, K. Nikolakopoulos, A. Vletsis. Frankfurt a/M., 2002. S. 249–276.
- Večerka 2010 — *R. Večerka*. Staroslověnská etapa českého písemnictví. Praha, 2010.
- Vepřek 2022 — *M. Vepřek*. Czech Church Slavonic in the Tenth and Eleventh Centuries. Munich, 2022.
- Víntr 1986 — *J. Víntr*. Die tschechish-kirchenslavischen Glossen des 12. Jahrhunderts in der Bibel Sign. 1190 der Nationalbibliothek in Wien (sog. Jagić-Glossen) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1986. Bd. 32. S. 77–113.
- Vondrák 1904 — *V. Vondrák*. O původu Kijevských listů a Pražských zlomků a o bohemismech v starších církevněslovanských památkách vůbec. Praha, 1904.
- Vondrák 1912 — *W. Vondrák*. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Auf. Berlin, 1912.
- Vrana 1970 — *J. Vrana*. Praški glagoljski odlomci kao svjedok neprekidne ćirilometodske tradicije u Českoj do kraja XI stoljeća // *Slavia*. 1970. № 39. S. 238–240.
- Weingart, Kurz 1949 — *M. Weingart, J. Kurz*. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Praha, 1949.
- Zoltán 2020 — *A. Zoltán*. Hungarian and Slavic Contact // *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* / Ed. by M. L. Greenberg. Brill, 2020.